

*О. Н. Полухин,
зам. главы администрации
Белгородской области,
канд. философских наук*

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Вот уже более десяти лет мы, россияне, являемся свидетелями беспрецедентного возрастания интереса к идеалам гражданского общества. Если ранее идеи гражданского общества занимали в основном историков, философов и социологов, изучавших Д. Локка, А. Фергюсона, Г. Гегеля и других, то в начале 90-х годов нарождающаяся новая Россия ощутила огромнейшую тягу к установлению в стране принципов гражданского общества. Идеалы гражданского общества вызвали широкий резонанс у общественности и стали привлекательными и желанными в нашей жизни.

Почему это понятие извлечено из небытия? Дело в том, что после многих лет отрицания и непонимания необходимости изучения проблем гражданского общества в 90-е годы они стали предметом обстоятельного обсуждения общественностью¹. Это доказывает, что гражданское общество является для нас столь же необходимым и естественным, как и для других европейских стран. Как считают некоторые авторы, «...архетип гражданского общества заложен в культурном коде российской цивилизации»².

Однако ясного представления о сущности гражданского общества пока нет, хотя, безусловно, что от успешного решения проблем становления и развития гражданского общества во многом зависит возможность своевременного ответа нашей страны на вызовы постиндустриальной эпохи.

Нам представляется, что гражданское общество – это система общественных отношений и институтов (экономических, национальных, духовно-нравственных, культурных и др.), которые ограждены законодательно от регламентации со стороны государства и гарантируют человеку реализацию его естественных и социальных прав³.

В настоящее время предпринята попытка изучения роли политических партий, предпринимательских групп, профессиональных союзов, церкви, общественных организаций в формировании гражданского общества в России⁴. Однако роль институтов образования изучена недостаточно. Хотя сейчас в условиях модернизации экономической и социальной сферы образованию отводится приоритетная, системообразующая роль. И это понятно, поскольку в образовательном секторе сейчас трудится около 40 млн. чел., или каждый четвертый житель страны, а на 10 тыс. населения число студентов составляет почти 300 чел.⁵

Таким образом, сложности нашей жизни не перечеркнули такую характернейшую черту ментальности россиян, состоящую в их традиционной предрасположенности к образованию. Сегодня все более возрастает роль университетов в мире. Во многих странах университеты стали одними из национальных символов: Карлов университет в Чехии, Сорбонна во Франции, Оксфорд и Кембридж в Англии, Московский университет в России.

На сегодняшний день существует 11 так называемых мега-университетов – всемирных открытых виртуальных университетов, которые ежегодно принимают около 100 тыс. студентов⁶. Поэтому назрела настоятельная необходимость глубокого анализа роли университетов в становлении гражданского общества.

Первые университеты появились в Западной Европе и стали явлением европейской культурной жизни XII-XIII веков. В это время в Париже, Болонье, Падуе, Оксфорде и других городах, где развитие ремесел

и торговли требовало все большего количества грамотных, образованных людей, стали появляться новые учебные заведения – университеты – как свободные корпорации преподавателей и учащихся.

В основе университетского образования лежали так называемые семь свободных искусств. Первая ступень – «тривиум» – включала грамматику, арифметику и геометрию. Во вторую – «квадриум» – входили музыка, астрономия, диалектика и риторика. Первая, «тривиальная» ступень образования, предназначалась для обучения, а вторая – для воспитания, поскольку готовила к общению с людьми, учила излагать свои мысли.

Таким образом, свобода и универсальность знания – вот те главные принципы, которые легли в основу университетского образования. Университеты прошли многовековой путь и сумели сосредоточить в себе всю сумму наук, что позволило им занять достойное место в развитии и распространении знаний. Уже в средние века западные университеты превратились в третью, наряду с папством и империей, силу в духовной и интеллектуальной сферах. Сам дух университета формировал суверенную свободную личность как основной элемент гражданского общества.

Первая попытка основания университета в России принадлежала Борису Годунову, который в 1600 году отправил в Германию немца Иоанна Крамера с целью доставить в Москву профессоров и докторов. Однако, встретив сопротивление духовенства, Годунов оставил это намерение и отправил несколько человек учиться за границу. Таким образом, сложная экономическая и политическая ситуация в начале XVII века помешала созданию российского университета⁷.

Первые университеты в России появились в XVIII веке. В отличие от Западной Европы российский университет возник не столько из потребностей общества, сколько по воле государства, которое нуждалось в квалифицированных специалистах и чиновниках. Если на За-

паде среда подготовила появление университета, то в России университет, возникнув по воле властей, сам стал формировать среду.

Вторым отличием российских университетов стало то, что они не имели таких священных, неотъемлемых университетских прав, как автономия профессоров и свобода преподавания.

Об этом говорит и то, что созданный в 1755 году Московский университет, вопреки пожеланиям М. В. Ломоносова, первоначально был лишен основ университетского самоуправления и не имел права водить в ученые степени.

Правительство вначале не решилось доверить управление университетом самим профессорам, большей частью иностранцам, выписанным из-за границы и имевшим мало общего с самим русским обществом. Во главе Московского университета был поставлен не выборный ректор из профессоров, а чиновник-директор, который обладал высоким положением и получал жалование в 2-3 раза превышавшее профессорское. Совещательным органом при нем была университетская конференция, состоящая из трех профессоров и трех асессоров.

Университетская конференция обсуждала учебные дела и могла представлять свои мнения, принятые большинством голосов, на рассмотрение кураторов. Кураторы назначались из числа «знатнейших особ государства» и становились не покровителями университета, а его полновластными хозяевами.

Таким образом, уже с первых лет существования университета начинается борьба двух тенденций: охранительно-бюрократической, направленной на ограничение прав и свобод, которой противостояло стремление профессоров к автономии и академическим свободам.

Государство часто рассматривало университеты как скопище вольнодумцев и собрание возмутителей спокойствия, поэтому почти всегда власть придержащие относились к университетам с известной опаской.

Несмотря на это, в 1787 году Екатерине II был представлен проект университетского устава, подготовленный О. П. Козодавлевым, в котором провозглашалась свобода научных воззрений и говорилось, что «профессора не подвергаются принуждению ни в рассуждении правил науки, ни в рассуждениях книг учебных; свобода мысли способствует вообще знаниям...»⁸.

Однако этот проект не удалось реализовать. Мало того, в 90-е годы реакцией на события французской революции стало то, что «адвокаты, профессора и бродяги» были объявлены главной причиной всех европейских бедствий, а Московский университет провозглашен гнездом масонского заговора. Император Павел I вообще хотел ликвидировать университет, перестроив обучение на военный лад.

Несмотря на это, университет не только выжил, но и начал превращаться в центр общественно-политической жизни.

Университет имел особую юрисдикцию, которая устанавливала «неподсудность профессоров, преподавателей, учащихся, различных чинов и служителей университета и свободу от всяких полицейских тягостей»⁹. Отсюда росло повышенное чувство собственного достоинства, самоидентификация себя с корпорацией преподавателей и студентов.

Признание определенной «особости» университета состояло и в том, что первоначально присутствие на территории университета обер-полицмейстера и его вмешательство считалось неприличным.

Если ранее единственной возможностью влиять на жизнь общества была причастность к власти, определявшаяся близостью ко двору, то теперь открываются новые перспективы, не связанные со структурами власти. Человек мог найти новые сферы жизни, освященные высокими нравственными идеалами в негосударственной сфере и деятельности неформальных общностей (кружков, издательств, научных и просветительских обществ и др.), которые способствовали формированию гражданского общества в России.

Актовый зал становится воплощением университетского духа. Здесь проводились лекции, открытые диспуты, вечера, выставки и др.

Постепенно меняется взгляд на цели образования: как на подготовку не только профессиональных ученых, но и всесторонне образованных граждан общества.

Университет открывал для человека более богатый выбор жизненного пути, чем прежде. Если ранее разночинцы, стремившиеся к образованию, могли сделать только духовную карьеру, то университет значительно расширил эти возможности, предлагая новые пути, такие как медицина, научная карьера и др. Так начала формироваться русская интеллигенция.

Формируя новый слой, университет ломал сословные перегородки и заставлял отказываться от сословных предрассудков. Хотя дворяне и разночинцы проживали в разных половинах казенного общежития, однако учились в одних классах, по одной программе без всяких сословных делений. Главным критерием оценки личности становилось умение мыслить, не взирая на происхождение.

Способствовал стиранию имущественных различий между студентами и университетский мундир, ставший одним из главных корпоративных признаков студента XVIII века. Поскольку дворянское звание оставалось высшим и единственным критерием оценки заслуг, поэтому при производстве в студенты из разночинцев выдавалась шпага как символ дворянской чести. Обучение как бы приравнивалось к государственной службе, и шпага была символом благородства просвещенных людей.

Статус профессора также был приравнен к статусу привилегированного сословия – дворянства. Ученая степень открывала путь к дворянству. По Табели о рангах чин девятого класса давал личное, а четвертого – потомственное дворянство.

Идея университета как свободной корпорации преподавателей и студентов получила дальнейшее развитие в XIX веке. Права корпора-

тивной автономии были дарованы университетам в Москве, Казани, Петербурге, Харькове и др.

В 1804 году был принят университетский устав, проект которого был предложен В. Н. Каразиным. Его главной чертой стало утверждение университетской автономии, предполагавшей выборы ректоров, проректоров, профессоров тайным голосованием и провозглашалось право университета утверждать ученые степени, открывать кафедры.

По уставу 1804 года во главе университета стоял совет профессоров, который избирал из своей среды ректора на год. Ректор утверждался высочайшей властью и являлся председателем совета и высшим представителем университета. Учебными делами факультетов ведали собрания факультетов с деканами во главе, их решения утверждал совет университета.

Университету вменялось в обязанность ведение научной деятельности и распространение научных знаний. С этой целью в университетах основывались научные и литературные общества, кружки, организовывались конкурсы, устанавливались премии.

Таким образом, в уставе 1804 года отразились наиболее передовые традиции предшествующей ломоносовской эпохи, которые заключались в автономии, свободе преподавания, научной и просветительской деятельности. Устав 1804 года заложил основы университетской корпорации.

Однако в период Николаевского царствования университетские вольности были существенно урезаны. В 1835 году был принят новый университетский устав, который значительно ограничил университетскую автономию и академические свободы.

Теперь управление университетами сосредоточивалось в руках попечителя учебного округа, назначаемого императором. Несмотря на то, что должности ректоров и деканов остались выборными, роль советов университетов значительно снизилась.

Попечитель становился начальником управления университетом и надзирал за дисциплиной в университете. Он назначал инспектора из военных или гражданских служащих, посторонних университету, тогда как ранее должность инспектора была выборной. Инспектор бдительно наблюдал за поведением студентов. Расстегнутые воротник или пуговица могли стать поводом для исключения из университета, тогда как на разгульный образ жизни инспектор смотрел сквозь пальцы, считая его средством отвлечения от политики¹⁰.

Хотя до конца XIX века еще дважды университетские уставы 1863 и 1884 годов менялись в периоды реформ и контрреформ в высшем образовании, но и в дальнейшем взаимоотношения власти и университетов оставались неровными.

Такое скачкообразное развитие университетов и то, что в конце концов они оказались включенными в бюрократическую систему Российской империи, снижало их роль в развитии гражданского общества.

Другим противоречием в развитии университетского образования в нашей стране стало то, что за два первых века своего существования университеты подготовили не только многочисленные кадры специалистов и чиновников, укреплявших государственные устои, но и породили крайние проявления нигилизма, нечаевщины и политического экстремизма. Революционные экстремистские слои интеллигенции способствовали краху Российской империи и победе радикального большевизма в начале XX века.

Следует отметить и то, что у многих студентов знания часто оказывались поверхностными, не затрагивающими глубинных пластов науки. Это порождало такое негативное явление, как «полуобразование» (которое спустя сто лет А. И. Солженицын назовет – «образованщина»), означавшее появление целого отряда серых по своей сути специалистов, у которых низкий профессиональный уровень сочетался с низким уровнем общей культуры. В конце XIX века русский

философ В. В. Розанов определил это явление не иначе как «сумерки просвещения»¹¹.

Тем не менее университеты уже с первых десятилетий своего существования стремятся к духовному руководству обществом, создавая независимое общественное мнение и способствуя развитию самодетельности в различных областях жизни. Не прошло и ста лет после создания первого российского университета, как сложилась целая плеяда российских университетов, оригинальная система университетского образования, сумевшая вобрать в себя многие достижения Запада и, прежде всего, корпоративный университетский строй (насколько это было возможно в условиях самодержавной России) и в то же время сформировать свой неповторимый феномен российского университета, в котором образовательные и воспитательные, научные и этические функции слились в одно целое¹².

В целом на смену господствовавшей в течение двух веков идеи великого государства, что в конечном счете привело к подавлению человека, пришла идея гражданского общества, во главе которого стоит сильная и свободная личность.

Ссылки на источники и литературу:

1. Становление институтов гражданского общества: Россия и международный опыт: Материалы Межд. симпозиума, 31 марта – 1 апреля 1995 г. – М.; 1995. – 210 с.

Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 312 с.

Полухин О. Н. Идея гражданского общества в истории философии. – Белгород, 2000. – 92 с.

2. Андреев А. Л. Становление гражданского общества: российский вариант // Становление институтов гражданского общества... – С. 25-26.

3. Тощенко Ж. Т. Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Прометей, 1998. – С. 32-35.

4. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России... – С. 310-311.

5. Филиппов В. Высшая школа России перед вызовами XXI века // Высшее образование в России. – 2001. – № 1. – С. 6.
6. Там же. – С. 42.
7. Соловьев В. С. История России с древнейших времен // Сочинения. – М., 1989. – Т. 7-8. – С. 373, 675.
8. Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия / Под ред. В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. – М.: Русское слово, 1977. – С. 96.
9. Там же. – С. 76.
10. Белоголовый Н. А. Из моих воспоминаний о Сергее Петровиче Боткине // Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917): Сборник / Сост. Ю. Н. Емельянов. – М.: Современник, 1989. – С. 307-308.
11. Розанов В. В. Сумерки просвещения. – СПб., 1899.
12. Университет для России... – С. 68-69.

